

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ТАВТОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2016 г. Елена Леонидовна Вилинбахова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
e.vilinbakhova@spbu.ru

Статья посвящена сопоставительным тавтологическим конструкциям в русском языке вида *Книга — это книга, а фильм — это фильм*. Данный класс тавтологий был впервые замечен Й. Майбауэром в 2008 г., который описал их значение как указание на различия двух сущностей. В русском языке существует несколько разновидностей «простых» тавтологий (*X есть X, X — это X* и т. д.), и все они могут входить в описываемые «сложные» конструкции; в статье обсуждается, каково их влияние на формальные и содержательные свойства сопоставительных тавтологий. Также выделяются семантические разновидности сопоставительных тавтологий со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности. Наконец, высказывается предположение, что к классу сопоставительных тавтологий можно отнести уступительно-противительные фразеосхемы вида *Дружба дружбой, а служба службой*.

Ключевые слова: Интернет, русский язык, семантика, тавтологии

COORDINATED TAUTOLOGIES IN RUSSIAN

Elena L. Vilinbakhova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
e.vilinbakhova@spbu.ru

The paper discusses a particular pattern of tautological constructions in Russian called coordinated tautologies. The notion was introduced in 2008 by J. Meibauer who used it to describe constructions like *Work is work and holidays are holidays*. Opposed to other tautologies, these constructions include not one, but two pairs of repeated elements with the meaning that two objects or events are distinct in a relevant way. In Russian there are a few models of «simple» tautologies (*X est' X, X eto X*, etc. 'X is X'), and it is discussed whether their semantic properties are inherited by «complex» coordinated tautologies. It is argued that constructions like *Druzhba druzhboi, a sluzhba sluzhboi* also belong to the class of coordinated tautologies despite their structural difference.

Keywords: Internet, Russian, semantics, tautologies

Введение

Конструкции вида *Война есть война* или *Кошки — это кошки*, в которых утверждается тождество объектов или ситуаций самим себе, обычно обозначаются термином «(языковые) тавтологии». Хотя «в своем буквальном значении высказывания *X есть X, X — это X*,

* Работа финансируется грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

X всегда X и т. п. абсолютно неинформативны» [Булыгина, Шмелев 1997: 504], говорящие активно используют тавтологии в речи, а слушатели с легкостью их интерпретируют.

Вопрос о том, каким образом происходит интерпретация тавтологических конструкций, у разных авторов решается по-разному. На сегодняшний день можно выделить три подхода: радикально прагматический [Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991], радикально семантический [Wierzbicka 1987; 1988; 1991] и семантико-прагматический [Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990; Miki 1996; Autenrieth 1997; Bulhof, Gimbel 2001; 2004; Meibauer 2008; Rhodes 2009; Kwon 2014]. Сторонники первого подхода утверждают, что значение тавтологических конструкций выводится благодаря универсальным прагматическим принципам: чтобы объяснить нарушение говорящим максимы количества ('Не говори меньше, чем следует') или релевантности ('Не отклоняйся от темы'), слушающий вынужден искать в тавтологическом высказывании другой, переносный смысл, например необходимость смириться с ситуацией, выполнить долг по отношению к чему-либо и т. д.

А. Вежбицкая, напротив, считает, что значение тавтологий конвенционально и зависит от конкретного языка, причем в некоторых случаях встречаются противоположные интерпретации: так, в русском языке выражение *Что было, то было* несет импликацию 'то, что это действительно было, нельзя отрицать' [Булыгина, Шмелев 1997: 445], а его польский аналог *Co było, to było* содержит призыв забыть прошлое, которое все равно нельзя изменить [Wierzbicka 1987: 102—103].

Наконец, в рамках наиболее распространенного семантико-прагматического подхода, с одной стороны, подчеркивается важность контекста и общих фоновых знаний собеседников, а с другой стороны, признается связь той или иной синтаксической модели в конкретном языке с определенной семантикой, которая включается «по умолчанию», например в экспериментальных условиях толкования конструкции вне контекста (подробнее см. [Gibbs, McCarrell 1990]).

В более ранних работах П. Грайса, С. Левинсона, А. Вежбицкой и Б. Фрейзера основное внимание уделяется конструкциям вида *Дети есть дети* или *Бизнес есть бизнес*, однако в последующих публикациях отмечается многообразие тавтологий и выделяется как минимум пять разновидностей:

- 1) тавтологии, устанавливающие тождество (англ. equatives): *Жизнь есть жизнь*;
- 2) условные тавтологии (англ. conditionals): *Но если я люблю, то я люблю, и не важны никакие условия*;
- 3) взаимоисключающие тавтологии (англ. disjunctions): *Или мы выиграем, или проиграем, третьего не дано*;
- 4) подчинительные тавтологии (англ. subordinate): *Я злюсь, потому что я злюсь*;
- 5) относительные тавтологии (англ. relative): *Я сказал то, что сказал* [Ward, Hirschberg 1991: 510; Meibauer 2008: 441].

Й. Майбауэр выделяет также шестой тип — сопоставительные¹ тавтологии (англ. coordinated tautologies; далее СТ) вида *Работа — это работа, а семья — это семья*, которые и будут предметом рассмотрения в данной статье. В отличие от всех прочих типов, СТ включают не одну, а две пары повторяющихся элементов и «указывают на различия двух сущностей» (здесь и далее перевод мой. — *Е. В.*):

- (1) *Doch Munich ist Munich und Oslo ist Oslo*
букв. 'Но Мюнхен есть Мюнхен и Осло есть Осло'
'Но Мюнхен — это Мюнхен, а Осло — это Осло';
- (2) *Urlaub ist Urlaub und Krankheit ist Krankheit*
букв. 'Отпуск есть отпуск и болезнь есть болезнь'
'Отпуск — это отпуск, а болезнь — это болезнь' [Meibauer 2008: 449].

¹ Русскоязычный термин отсылает к используемому в данных конструкциях в русском языке союзу *а* сопоставления (см. раздел 1).

Й. Майбауэр описывает следующий механизм их интерпретации: сначала к каждой «простой» тавтологии применяется предикативный анализ с импликатурой ‘описываемый объект / явление имеет признаки, типичные для данной категории’; далее, в результате их соположения, возникает следующая импликатура: ‘поскольку подразумеваемые признаки достаточно сильно различаются, то и объекты / явления, о которых идет речь, следует разделять / не нужно смешивать и т. п.’ [Ibid.].

Аналогичные примеры встречаются и в других работах, посвященных тавтологиям, на материале японского и английского языков (см. примеры (3) и (4)). Хотя авторы не выделяют их в отдельную конструкцию и рассматривают как сочетание тавтологий, устанавливающих тождество, данные примеры также передают различие между описываемыми элементами и подходят под категорию СТ.

- (3) *kimi wa kimi ware wa ware nari, saredo nakayosi*²
ты маркер темы ты я маркер темы я связка однако (мы) хорошие друзья
букв. ‘ты (есть) ты , а я я есть, однако мы хорошие друзья’
‘**Ты — это ты, а я — это я, но мы хорошие друзья**’ (речь идет о разном социальном статусе говорящего и адресата) [Okamoto 1993: 443];
- (4) *Men are men and women are women and it's about time we stop blurring that distinction*
букв. ‘мужчины есть мужчины и женщины есть женщины и пора нам перестать размывать эту разницу’
‘**Мужчины — это мужчины, а женщины — это женщины, и пора бы нам уже перестать игнорировать их различия**’ [Rhodes 2009: 15].

А. Вежбицкая также рассматривает пример (5) и подобные случаи, отмечая, что в составе данных соединений одинарные тавтологии передают значение уникальности описываемой сущности, однако оставляет более подробное изучение вопроса за рамками своего исследования.

- (5) *East is East and West is West*
букв. ‘Восток есть Восток и Запад есть Запад’
‘**Запад есть Запад, Восток есть Восток**’ (пер. Е. Г. Полонской) [Wierzbicka 1991: 413—414].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть СТ в русском языке на материале Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и различных интернет-источников (орфография и пунктуация источников сохранены), что представляется интересным по ряду причин. Во-первых, в русском языке существует несколько разновидностей «простых» тавтологий, устанавливающих тождество (*X есть X, X — это X* и т. д.), и, поскольку все они могут входить в описываемые «сложные» конструкции, важно понять, влияют ли они на формальные и содержательные свойства образованных таким образом СТ. Во-вторых, отмеченное Й. Майбауэром значение СТ как «указание на различие сущностей» требует более тщательной разработки для конкретного языка. Наконец, возникает вопрос о том, допустимо ли включение в класс СТ других сложных конструкций, в которые не входят классические предикативные тавтологии, например, можно ли отнести к СТ конструкцию вида *Дружба дружбой, а служба службой*.

Работа построена следующим образом. В разделе 1 рассматриваются простые тавтологии в русском языке, структурные характеристики СТ и некоторые сведения об их количественной представленности в НКРЯ. Раздел 2 посвящен семантическим особенностям СТ. В разделе 3 обсуждается возможность включения в класс СТ конструкций вида *Дружба дружбой, а служба службой*. В Заключении представлены итоги исследования.

² В статье приводится перевод с японского на английский язык: *You are you, I am I, yet we are good friends* [Okamoto 1993: 443]; *saredo* — устаревший вариант союза *sikasi* ‘но’, ‘однако’.

1. Структурные особенности сопоставительных тавтологий в русском языке

СТ в качестве строительного материала включают в себя как минимум две одинарные тавтологии. В русском языке можно выделить три класса «простых» тавтологических конструкций. Тавтологии первого класса с синтаксическими моделями *X (и) есть X, X всегда / везде X* и т. п. выражают идею равноценности членов внутри категории: «Все манифестации X-а, т. е. члены класса X или “инстанты” индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506], см. (6).

- (6) *Мы делаем все возможное, чтобы их избежать. Но война есть война. Потери среди гражданского населения есть в любой войне* [Шестернина Елена. Большая игра // Труд-7, 2009.01.19].

Значение тавтологий второго класса состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатации его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [Булыгина, Шмелев 1997: 509]; ее синтаксическая модель *X — это X*, см. (7).

- (7) *A: A дети от предыдущих женщин?*
B: Дети — это дети. Они всегда были детьми и останутся [Анатолий Иванушкин. Малинин не любит телячьих нежностей и ночных клубов (1995) // «Общая газета», 1995.07.26].

Недавно описанные тавтологии третьего класса, или метаязыковые тавтологии, представлены моделями *X значит X, X означает X и X это X*; «используя метаязыковые тавтологии в речи, говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него, а именно: эвфемизации, иронии и гиперболы» [Вилинбахова 2015: 647], см. (8).

- (8) *Ну у нас все просто... хочу есть значит хочу есть... а не своди меня в ресторан)))* [Там же: 643].

Тавтологии первого, второго и третьего класса могут соединяться в сочетания из двух и более простых конструкций с союзной и бессоюзной связью, однако не все они передают значение различия двух сущностей и могут быть отнесены к СТ. Так, союз *и* в сочетаниях тавтологий в русском языке, в отличие от английских и немецких примеров, подчеркивает прежде всего однородность описываемых объектов и их признаков (9), даже если они теоретически могут быть противопоставлены друг другу.

- (9) *Потом, когда начнется настоящее разногрибье, маслятами как-то пренебрегают, и, между прочем, зря. Конечно, белый есть белый, и груздь есть груздь. Но если сравнить с подберезовиками или с подосиновиками, то я решительно не знаю, почему нужно отдавать предпочтение последним* [Владимир Солоухин. Третья охота (1967)].

Сочетания тавтологий с союзом *а* действительно могут указывать на различие между элементами, о котором иногда говорится эксплицитно.

- (10) *Ну никогда фильму не превзойти книгу по определению, хотя он может получиться очень интересным. Поэтому книга — это книга, а фильм — это фильм. Совершенно два разных направления искусства* [коллективный. Обсуждение фильма «Гарри Поттер и принц-полукровка» (2009—2011)].

Е. В. Падучева и Г. Е. Крейдлин выделяют три группы употреблений данного союза: *а* сопоставления (*Вы аристократ, а я демократ*); *а* несоответствия (*Дело к весне, а мороз все жестче*); *а* присоединительное (*За деревней было поле, а за полем начинался лес*) [Крейдлин, Падучева 1974: 32]. В интересующих нас конструкциях мы имеем дело с первой группой употреблений, ср. толкование *а* сопоставления у В. З. Санникова: «В качестве описываемого выступают X, Y; темы и/или ремы X и Y не совпадают», и предложенное им

уточнение названия группы употреблений «*a* сопоставления, или несходства (выделено мной. — Е. В.)» [Санников 2008: 272].

Следует также отметить сочетания тавтологий с союзом *но*. Не будучи широко распространенными в русском языке (в НКРЯ они не встретились ни разу, см. таблицу 1), такие сочетания все же возможны. Соответствующий пример приводят в своей работе Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев: речь идет о ситуации, когда «Бобби Фишер заявил однажды, что может дать коня вперед тогдашней чемпионке мира Ноне Гаприндашвили», на что Михаил Таль сказал:

(11) «**Фишер — это Фишер, но конь — это конь**» [Булыгина, Шмелев 1997: 508].

Интересно, что на одном из сайтов, посвященных истории шахмат, приводится другой вариант реплики М. Талья:

(12) *Сказал не Каспаров, а Таль. Примерно так: «**Фишер — это Фишер, а конь — это конь!**» — Учите историю...* [Интернет-источники].

Кажется, что примеры (11) и (12) синонимичны: они имеют общую импликацию 'мастерства Фишера не хватит, чтобы компенсировать отсутствие коня на доске'. Оба варианта указывают на различие объектов относительно их силы воздействия на ситуацию шахматной игры (второй объект имеет больший вес, чем первый) и, следовательно, относятся к СТ. Однако если для сочетаний тавтологий с союзом *но* значение неравноценности элементов (в пользу второго элемента) — единственно возможное, то для конструкций с *a* сопоставления неравноценность — это частный случай различия между элементами, который определяется контекстом, лексическим наполнением конструкций и т. д. Таким образом, можно предположить, что СТ с союзом *но* могут быть заменены без существенной потери смысла на СТ с *a* сопоставления, а обратное неверно. Это подтверждается текстами из интернет-источников: в примерах с сайтов, посвященных взаимоотношениям матери мужа и молодой семьи, обе СТ с *но* (13) и *a* сопоставления (14) несут импликацию 'семья важнее' и являются взаимозаменяемыми; напротив, в примере (15) такой импликации нет, говорящий считает, что и *мама* (свекровь) и (молодая) *семья* одинаково важны, хотя и следует разделять их в прямом и переносном смысле.

(13) *Я считаю, что мужчина не должен путать семью своей мамы и свою семью, **мама есть мама, но семья есть семья**;*

(14) *Мое мнение что ваш муж хитрый, он не хочет вас обидеть и с матерью ссориться. Однако я считаю это не правильным. **Мама есть мама, а семья есть семья**. Когда я женился моя мама тоже первое время пыталась преподнести свое воспитание в нашу семью, однако я сел с ней и поговорил. Сказал что это моя семья и мы будем сами решать свои вопросы и впредь прошу не вмешиваться;*

(15) ***Мама есть мама, а семья есть семья**, тут нельзя ставить вопрос кто дороже* [Интернет-источники].

Что касается сочетаний тавтологий с бессоюзной связью, то можно было бы предположить с опорой на анализ Й. Майбауэра (см. Введение), что они будут относиться к СТ и передавать различие между объектами, не будучи «осложненными» дополнительными значениями союзов. Тем не менее оказалось, что такие сочетания делятся на две группы, в первой из которых примеры действительно относятся к СТ и могут быть дополнены союзом *a* сопоставления (16), а во второй — передают идею однородности объектов и могут быть дополнены союзом *и* (17), ср. рассуждения А. М. Пешковского о том, что в «бессоюзном соединении предложений интонация является аналогом союза» (цит. по [Санников 2008: 338]).

(16) *Спрашивают, что лучше — Москва или Питер? Они очень разные, никакой из них для меня не лучше и не хуже. **Москва — это Москва, Питер — это Питер*** [Гусейнов Рафаэль. Сергей Миронов: Диалог власти с народом необходим // Труд-7, 2004.07.08].

- (17) *He горит Саша и желанием пообщаться с прессой. — Работали — потому и победили, — говорит он. — Конечно, мы рады: победа — это победа, золото — это золото* [Левит А. С возвращением! Выиграв золото и серебро ЧЕ, Александр Зубков доказал: возвращался в бобслей он вовсе не зря // Советский спорт, 2011.01.24].

Пример (16) напоминает приведенный выше пример (1) в немецком языке: говорящий подчеркивает, что города Москва и Санкт-Петербург очень разные и их нельзя сравнивать, что соответствует значению СТ. Напротив, в примере (17) противопоставления нет: говорящий объясняет, что он рад своей победе и золотой медали, и это естественно, потому что и победа, и золото имеют особый статус для участников соревнований.

Количественные данные по СТ в НКРЯ приведены в таблице 1, где указано распределение СТ по типам составляющих конъюнктов (тавтологии первого, второго и третьего классов) и по типу связи — союзной или бессоюзной. Можно заметить, что наиболее распространенным типом связи оказывается союзная связь с *a* сопоставления, из примеров с бессоюзной связью больше половины приходится на цитату из Р. Кипплинга в переводе Е. Г. Полонской *Запад есть Запад, Восток есть Восток*, а СТ с союзом *но* в корпусе не представлены.

Более интересным оказывается распределение СТ по типам конъюнктов. Дело в том, что в ряду «простых» тавтологических конструкций в русском языке наиболее распространенной и широко используемой при переводе, а также наиболее подробно описанной является конструкция первого ряда *X есть X* (кроме [Булыгина, Шмелев 1997], см. также [Николина 1984; Ю. Апресян 1995; Падучева 2004] и др.). Судя по корпусным данным, для СТ в русском языке преобладание связки *есть* не сохраняется, особенно если учитывать количество примеров из Р. Кипплинга с фиксированной языковой формой. Более частотными оказываются модели со связкой *это*, по-видимому, потому, что значение СТ — передача различий между двумя элементами — ближе к значению тавтологий второго класса, ср. рассуждения из уже упомянутой работы в начале раздела и следующую цитату о значении тавтологий второго ряда: «Индивид (или класс) X отличается от не X-ов, т. е. прочих индивидов или классов» [Булыгина, Шмелев 1997: 507]. В случае СТ «прочим» индивидом или классом для каждой из сущностей оказывается противопоставленный ей объект или явление.

Количество СТ с метаязыковыми тавтологиями в НКРЯ невелико, поэтому для их изучения, как и в случае с моделью *X сор X, но Y сор Y*, приходится обращаться к интернет-источникам.

Таблица 1

<i>Тип конъюнктов</i>	ТК 1 класса X (он и) есть X, X всегда / везде X X и в Африке X	ТК 2 класса X — это X	Метаязыковые тавтологии X (это) значит X X (это) означает X X — это X X есть X ³	Σ
Союзная связь: <i>a сопоставления</i>	25	61	4	90
Союзная связь: <i>но</i>	0	0	0	0
Бессоюзная связь	46 (11 + 35 ⁴)	15	3	64 (29 + 35 ⁴)
Σ	71	76	7	ВСЕГО: 154

³ В стилистически немаркированных текстах связка *есть* в метаязыковых тавтологиях возможна только в составе СТ, подробнее см. раздел 2.

⁴ Количество употреблений цитаты *Запад есть Запад, Восток есть Восток* из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Кипплинга в переводе Е. Г. Полонской. По-видимому, это обстоятельство следует принять во внимание при оценке частотности СТ со связкой *есть* и бессоюзной связью.

В целом можно сделать вывод, что в русском языке СТ могут быть выражены сочетаниями тавтологий с союзами *a* сопоставления и *но*, а также с бессоюзной связью. Наиболее распространенным типом конъюнктов являются тавтологии второго класса $X — это X$, а по типу связи наиболее частотной является конструкция с *a* сопоставления $X \text{ соп } X$, $a Y \text{ соп } Y$, которая, к тому же, может заменять собой остальные разновидности, что и позволяет обозначить данный класс конструкций в русском языке как «сопоставительные» тавтологии.

2. Семантические особенности сопоставительных тавтологий в русском языке

Как было показано выше, общее значение СТ может быть описано как ‘указание на различие между двумя сущностями’, и в английском языке, как и в немецком, оно ассоциируются с определенной структурной моделью $X \text{ соп } X \text{ and}$ (англ. ‘и’) $Y \text{ соп } Y$. Данное значение не является композициональным (из значения составляющих СТ — союза *и* и одинарных тавтологий — не следует их противопоставления), и его можно признать специфичным для рассматриваемой конструкции.

В русском языке дело обстоит иначе. Во-первых, только одна из моделей — с союзом *но* ($X \text{ соп } X$, *но* $Y \text{ соп } Y$) — гарантирует принадлежность паттерна к СТ; в остальных случаях, чтобы отнести соединение простых тавтологий к СТ, требуется контекст, общие фоновые знания и т. д. Во-вторых, соединения тавтологий с союзом *и*, аналогичные примерам из английского и немецкого языков, по семантическим причинам не могут быть отнесены к СТ, а для других соединений, которые включаются в число СТ, указание на различие двух сущностей уже присутствует в семантике союзов *a* сопоставления и *но*. Таким образом, чтобы говорить о СТ в русском языке как о конструкции — сложной единице с собственной структурой, наделенной некомпозициональным значением, — нелишним представляется привести дополнительные аргументы.

Прежде всего, необходимо отметить, что, несмотря на бóльшую численность СТ с конъюнктами второго класса, уже «готовые» конструкции с конъюнктами первого и второго классов выступают как синонимы, т. е. различия между тавтологиями $X \text{ есть } X$ и $X \text{ это } X$, описанные в [Булыгина, Шмелев 1997] и проверенные экспериментально в [Кобозева 2009], в них не проявляются. Получается, что при порождении СТ семантика конъюнктов учитывается (говорящий чаще выбирает более близкие по значению тавтологии второго класса $X \text{ это } X$), а затем СТ уже воспринимается как единая конструкция с определенной семантикой, а различия ее составляющих нивелируются.

- (18) *Есть вещи о которых надо поговорить, обсудить, решить... но работа есть работа, а семья есть семья, рабочие проблемы надо решать на работе;*
- (19) *Работа — это работа, а семья — это семья и не надо никогда это смешивать, чтобы семейные проблемы не переносились на работу [Интернет-источники].*

Далее, для СТ с метаязыковыми тавтологиями прослеживается следующая закономерность: употребление связки *есть* в метаязыковых конструкциях в стилистически немаркированных текстах становится возможным, только если они входят в состав СТ. Следует пояснить, что одинарные метаязыковые тавтологии со связкой *есть* встречаются крайне редко — исключительно в поэтических или религиозных контекстах, однако в составе СТ это ограничение снимается, что можно считать еще одной «некомпозициональной» особенностью СТ. НКРЯ дает всего один пример, однако в интернет-источниках подобные случаи более распространены, см. (20).

- (20) *Ну и какой бы фейсбук смог бы меня сбить с толку, если бы я жил в нормальном гос-ве, где закон один для всех, где ДА — есть ДА, а НЕТ — есть НЕТ, если я хоть и не всем, но в общем доволен жизнью? [Интернет-источники].*

Это обстоятельство можно объяснить тем, что противопоставление «объект реального мира» vs. «языковая единица» в СТ также нивелируется с точки зрения коммуникативного намерения говорящего: важно не то, какие именно сущности (языковые или предметные) имеются в виду, а то, что их следует различать.

Наконец, стоит учитывать, что в английском и немецком языках соответствующие соединения тавтологий с аналогичным значением являются конструкциями (см. выше), поэтому кажется вероятным, что и в русском языке данный паттерн имеет тот же статус, а различия в выражении СТ объясняются спецификой семантики союзов в разных языках.

Обращаясь к семантическим характеристикам СТ, можно выделить три типа со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности, в которых, по мнению говорящего, различия между двумя сущностями имеют такие следствия.

I. Необходимость разграничения элементов **в (физическом) пространстве и/или времени**: ‘X и Y несовместимы; не следует допускать столкновения X и Y’:

- (21) *Но никогда в голову вашему покорному слуге не приходило, что я могу заниматься бизнесом. Наука — это наука, а бизнес — это бизнес. И обычно ученые когда начинают заниматься бизнесом, они перестают быть учеными они теряют... очень часто не достигают большого успеха в бизнесе, поскольку это тоже специфическая область человеческой деятельности, но теряют свою научную квалификацию безусловно!* [Жорес Алферов. Полупроводниковая революция. Наука и общество. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

II. Необходимость разграничения элементов **в сознании участников общения**: ‘X и Y несопоставимы; не следует проводить аналогии, и/или устанавливать связи между X и Y, и/или не следует сравнивать X и Y между собой’:

- (22) *Жаль, что Давденко сыграет в финале в Майами с Наделем, а не с Бердыховым, — отличная была бы репетиция перед предстоящим матчем. — Хм, а точно — они ведь могли бы сыграть, — на мгновение задумывается Павел. — Хотя чего жалеть? Майами — это Майами, Москва — это Москва. Разные покрытия, условия...* [Мысин Н. Чехи уже в Москве // Советский спорт, 2008.04.07].

III. Необходимость разграничения элементов **в их силе воздействия на коммуникативную ситуацию**: ‘X и Y неравноценны; как минимум, в данной коммуникативной ситуации X имеет больший вес, чем Y’:

- (23) *Нет, если я буду точно, например, знать (ведь сейчас есть много публикаций), что микроволновые печи и сотовые вред как бы несут, что это вредно для меня, для семьи, я готова отказаться полностью. Я прекрасно понимаю, что вещи — это вещи, а люди — это люди. И здоровье людей гораздо больше жаль, чем железки* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Новосибирск) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Представляется, что выделенные значения определяются прежде всего внешним контекстом, ср. (21) со значением несовместимости и (24) со значением несопоставимости: ‘бизнес и наука никак не связаны’.

- (24) *В России в последнее время формировалось ощущение, что наука — это наука, а бизнес — это бизнес. И эти два понятия в малом предпринимательстве между собой не коррелировали* [Интернет-источники].

В некоторых случаях СТ не так просто отнести к конкретному типу: например, (25), на первый взгляд, кажется, принадлежит к СТ несопоставимости, однако в контексте оказывается, что мы имеем СТ неравноценности: наличие ангины более важно для формы одежды героя, чем его представления о подобающем внешнем виде.

- (25) *Давид: Тань, ну... ты бы мне на сцену его еще завязала.
Таня: Сцена — это сцена, а ангина — это ангина* [Владимир Машков и др. Папа, к/ф (2004)].

С другой стороны, в примере (10) герой говорит о неравноценности фильма и книги, однако, используя СТ, выражает уже другую мысль о невозможности сравнивать эти два явления, т. е. здесь представлена СТ несопоставимости, хотя неравноценность сущностей и служит для нее основанием.

Иногда два типа СТ могут совмещаться: в (26) мы имеем одновременно значение несопоставимости ('деньги и любовь нельзя сравнивать') и неравноценности ('любовь важнее денег').

(26) *Нет не так... это разные вещи... деньги это деньги, а любовь это любовь!* [Интернет-источники].

Единственное структурное ограничение касается моделей вида $X \text{ сор } X, \text{ но } Y \text{ сор } Y$, которые могут относиться только к типу III со значением неравноценности, что индуцируется семантикой союза *но*.

Подводя итоги, можно утверждать, что в русском языке СТ является самостоятельной конструкцией с некомпозициональным значением, поскольку общая семантика СТ — передача различий двух сущностей — нивелирует различия в семантике конъюнктов. СТ имеет три разновидности со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности, индуцируемыми в первую очередь контекстом, а для немногочисленных моделей $X \text{ сор } X, \text{ но } Y \text{ сор } Y$ — семантикой соответствующего союза.

3. Конструкция вида *Дружба дружбой, а служба службой* как кандидат в СТ

В процессе изучения СТ встретились примеры (27) и (28).

(27) *совет тебе или просто пожелание... не дели никого на хороших и плохих, дружба есть дружба, а служба есть служба... что поделатъ...;*

(28) *ладно старый перец))) все ты понял. Дружба это дружба, а служба это служба* [Интернет-источники].

Данные примеры можно считать вариантами поговорки *Дружба дружбой, а служба службой*, так как они передают то же значение 'дружеские и рабочие отношения — это разные вещи; их не следует смешивать; рабочие отношения важнее'. Поскольку (27) и (28) относятся к СТ, возникает вопрос, можно ли включить в СТ исходный вариант — конструкцию $X X\text{-ом}, \text{ а } Y Y\text{-ом}$. Для этого стоит остановиться подробнее на значении рассматриваемой конструкции.

Конструкция $X X\text{-ом}, \text{ а } Y Y\text{-ом}$ упоминается еще у А. А. Шахматова. В разделе «Двусоставные согласованные предложения» он отмечает, что «в некоторых случаях именительный падеж сказуемого заменяется под влиянием аналогии со стороны связочных и связочно-сказуемых предложений творительным падежом» [Шахматов 2001: 189], и приводит поговорку *Дружба дружбой, а служба службой*, а также такие примеры, как (29) и (30).

(29) *Худо тому дому, где жена попом, а муж дьяконом* (посл.);

(30) *И кажется, — продолжал Герман — я причиной его смерти* (А. С. Пушкин. Пиковая дама).

В предлагаемых Шахматовым примерах (29) и (30) может быть восстановлена связка, например, *являться*, и, таким образом, интересующая нас конструкция $X X\text{-ом}, \text{ а } Y Y\text{-ом}$, по Шахматову, может быть реконструирована как $X \text{ сор } X\text{-ом}, \text{ а } Y \text{ сор } Y\text{-ом}$.

При этом статус одинарных конструкций вида $X X\text{-ом}$ вызывает у автора сомнения. В разделе «Односоставные предложения», приводя пример (31) из А. П. Чехова, Шахматов с осторожностью отмечает: «**Быть может** (выделено мной. — Е. В.), к односоставным относятся и такие предложения, как:

(31) *Скворцы прилетели. Гляжу, куда сядут. Туча-тучей*».

Далее имеется приписка «означает частью полноту проявления признака, выраженного существительным, а частью?» [Там же: 56].

Ниже в разделе «Двусоставные согласованные предложения» А. А. Шахматов пишет, что существуют предложения, «где при сказуемом в именительном падеже то же слово повторяется в творительном»:

(32) *Она дура-дурой* [Там же: 189].

Таким образом, А. А. Шахматов выделяет, с одной стороны, предикативный тип конструкции *X (cop) X-ом* в составе сложной конструкции *X X-ом, а Y Y-ом*, который устанавливает тождество объекта самому себе, как и конструкции *X есть X* и *X — это X*, а с другой стороны, непредикативный тип *X(-)X-ом* со значением полноты признака⁵.

Н. Ю. Шведова усматривает в таком описании противоречие и считает, что конструкции *XX-ом* нечленимы, определяя их значение как «подчеркнутое утверждение предикативного признака, выявляющегося самостоятельно и независимо от других; *Шутки шутками* значит «шутки сами собою»; это значение особенно отчетливо выступает тогда, когда данные сочетания употребляются вне противительной конструкции, см. (33); <...> однако чаще всего такие конструкции употребляются в составе построения с противительным значением, см. (34); <...> очень распространено употребление данных построений в однотипных частях сложной противительной конструкции» [Шведова 1960: 55], см. (35).

(33) *Помидуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете. Пенька пенькою, в другой раз приеду, заберу и пеньку* (Н. В. Гоголь. Мертвые души);

(34) *Да ты застегнись. Фронтовичка фронтовичкой, а март месяц знаешь какой?* (В. Некрасов. В родном городе);

(35) *Дело делом, а чай чаем: выкушай, родимый* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки) [Там же: 56].

Д. Н. Шмелев [1960] выделяет целый ряд фразеологических схем конструкций (сокращенно — фразеосхем) с уступительно-противительным значением, куда относит следующие модели:

(36) *Знать-то он знает, но не говорит*;

(37) *Хорошо-то хорошо, но не выразительно* (М. Казаков);

(38) *Настроение настроением, а мне нужно ехать к месту службы* (А. Н. Толстой) [Там же: 51].

В данных конструкциях «лексически повторяющиеся элементы стоят в разных формах, жестко фиксируемых конструкцией» [Иомдин 2013: 313]. В первой части фразеосхем представлены повторяющиеся элементы, далее следуют союзы *а/но/да/только/однако*, затем — вторая часть, на заполнение которой не накладывается формальных ограничений. Частным случаем фразеосхемы с существительными оказывается и конструкция вида *Дружба дружбой, а служба службой* [Шмелев 1960: 52—53].

В [Булыгина, Шмелев 1997] замечено, что назначение уступительно-противительных фразеосхем с существительными, как в (38), — указать на то, что ситуация в первой части не релевантна для того, что говорится во второй части. Вслед за Д. Н. Шмелевым [1960: 53], Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что соответствующие высказывания часто имеют сим-

⁵ Такое разграничение, кажется, находит подтверждение в современных текстах из Интернета, см., с одной стороны: *Тенденции — это прекрасно. Но мода — модой, а зима зимой. Как только ударят морозы, мы достаем из шкафа растянутый свитер, носки, шапку-ушанку*, где конструкция может быть заменена на СТ *Мода — это мода, а зима — это зима*. С другой стороны, в примере *Уже третье апреля, а на улице у нас зима зимой* конструкция передает значение 'настоящая зима с холодом, снегом и др.' Наличие предикативного и непредикативного типов встречается и в других конструкциях с повторами, например, *х такой х*, см. [Вилинбахова 2011; Гилярова 2013].

метричный характер вида $N_1NOM + (-mo) + N_1INSTR + a / no / da + N_2NOM + (-mo) + N_2INSTR$, и тогда «высказывание призывает как бы не смешивать соображения, относящиеся к N_1 и N_2 » [Булыгина, Шмелев 1997: 314]. Как правило, в таких симметричных высказываниях вторая часть подается как более важная, чем первая, но возможны ситуации, когда «не устанавливается иерархия сопоставляемых ситуаций»:

(39) *Конечно, песня — песню, а веревка веревкой. Одно другому не мешает* (А. Пушкин) [Там же].

В. Ю. Апресян конструкцию $XX-om, a Y Y-om$ также рассматривает в ряду других уступительных конструкций как частный случай модели $XX-om, a Y$ и дает следующее толкование: «Хотя говорящий признает важность $X-a$, Y тоже важен; Y не зависит или не должен зависеть от $X-a$ » [В. Апресян 2014: 218].

Можно заметить, что предложенные авторами аналитические толкования конструкции $XX-om, a Y Y-om$ обнаруживают много общего со значением СТ: утверждение предикативного признака, проявляющегося самостоятельно и независимо от других, призыв не смешивать соображения, относящиеся к двум сущностям, отсутствие зависимости одного явления от другого соответствуют СТ со значением несопоставимости, а подача второй части как более важной — СТ неравноценности. В ряде случаев можно найти примеры конструкции $XX-om, a Y Y-om$, которые передают то же значение, что и приведенные выше СТ: см. (40) как аналог примеров (18) и (19), и (41) как аналог примеров (13—15).

(40) *Я всегда придерживалась и придерживаюсь правила: «Работа — работой, а семья — семьей». Личное, свободное время должно быть посвящено семье;*

(41) *А на счет отношений мужа и его мамы... <...> очень сложно вдолбить взрослому мужику, что мама — мамой, а семья — семьей. Только если он сам начнет понимать* [Интернет-источники].

По-видимому, такие замены допустимы, когда значение уступительности, обязательное для данных конструкций, не противоречит контексту; в обратном случае модифицированные примеры звучат менее естественно, см. (23').

(23') *Нет, если я буду точно, например, знать (ведь сейчас есть много публикаций), что микроволновые печи и сотовые вред как бы несут, что это вредно для меня, для семьи, я готова отказаться полностью. Я прекрасно понимаю, что вещи вещами, а люди людьми. И здоровье людей гораздо больше жаль, чем железки.*

Напротив, замена конструкции $XX-om, a Y Y-om$ на СТ возможна, кажется, в любом контексте, и даже в тех случаях, когда мы имеем уже устоявшуюся языковую форму: см. (27), (28).

Кроме того, в данной конструкции возможны и другие типы связи с сохранением значения — союз *но* (42) и бессоюзная связь (43).

(42) *Игра Игрой, но Семья Семьей — мы это тоже понимаем!!!* [Интернет-источники].

(43) *Они своих интересов никогда не упустят и даже ради политики. Политика политикой / экономика экономикой. Даже в политике они будут придерживаться своих интересов / несмотря на такое сейчас объединение* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

Количественные данные по конструкции $XX-om, (a / no) Y Y-om$ в корпусе представлены в таблице 2, там же показано их соотношение с рассмотренными выше СТ. Можно заметить, что в обоих случаях больше всего вхождений с *a* сопоставления, далее — с бессоюзной связью, потом уже с союзом *но*, хотя для конструкции с конъюнктами $XX-om$ разрыв между количеством примеров с *a* сопоставления и примерами с другими типами связи намного больше, даже с учетом 27 употреблений пословицы *Дружба дружбой, а служба службой*. Вероятно, это объясняется большей устойчивостью формы и употребительностью конструкции $XX-om, a Y Y-om$, количество вхождений которой превышает количество всех СТ с конъюнктами вида $X \text{ сор } X$ вместе взятых.

Таблица 2

<i>Тип конъюнктов</i> <i>Тип связи</i>	X X-ом	X сор X
Союзная связь: а сопоставления	198 (172+27 ⁶)	90
Союзная связь: но	3	0
Бессоюзная связь	18	64 (29 + 35 ⁷)
Σ	219	154

В целом представляется, что, несмотря на обязательный компонент уступительности, конструкцию вида *X X-ом, а Y Y-ом* можно включить в класс СТ. Такое допущение делает СТ в русском языке более разнородными по структуре, но позволяет сохранить семантическое единство.

Заключение

В настоящей статье был рассмотрен особый класс тавтологических конструкций в русском языке, включающий не одну, а две пары повторяющихся элементов. Для данных конструкций был предложен термин «сопоставительные тавтологии» (СТ), так как прототипической является модель *X сор X, а Y сор Y* с *а* сопоставления, которая может заменять собой другие возможные модели *X сор X, но Y сор Y* и *X сор X, Y сор Y* с союзом *но* и бессоюзной связью. В качестве составляющих в СТ представлены три класса простых тавтологий русского языка (наиболее распространенные модели данных классов — соответственно *X есть X, X это X* и *X значит X*). Общее значение СТ — передача различий двух сущностей и указание на их несовместимость, несопоставимость или неравноценность. Еще одним кандидатом в СТ является уступительно-противительная конструкция *X X-ом, а Y Y-ом*, которая имеет близкое значение и допускает замену на СТ; предлагается включить данную конструкцию в класс СТ, несмотря на структурные отличия ее конъюнктов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ю. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156—178. [Apresjan Ju. D. Connotations as a part of the pragmatic meaning of a word. Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vol. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1995. Pp. 156—178.]
- В. Апресян 2014 — Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. [Apresjan V. Ju. *Mehanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke. Dokt. diss.* [Mechanisms of creation and interaction of complex language meanings. Doct. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2014.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- Вилинбахова 2011 — Вилинбахова Е. Л. О конструкции вида «муж такой муж» в русском языке (на материале интернет-источников) // Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные

⁶ Количество употреблений пословицы *Дружба дружбой, а служба службой*.

⁷ Количество употреблений цитаты *Запад есть Запад, Восток есть Восток* из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Киплинга в переводе Е. Г. Полонской.

- и лексико-семантические подходы», Санкт-Петербург, 24—26 марта 2011 г. [Vilinbakhova E. L. On a construction «husband such a husband» (lit.) in Russian (based on on-line sources). *Tezisy konferentsii «Russkij jazyk: konstruksionnye i leksiko-semanticheskie podkhody», Sankt-Peterburg, 24—26 marta 2011 g.*] Available at: <http://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/pdf/Vilinbakhova.pdf>.
- Вилинбахова 2015 — Вилинбахова Е. Л. *Статья значит статья*: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 638—649. [Vilinbakhova E. L. Article means article: On one pattern of tautologies in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. No. 14 (21): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2015. Pp. 638—649.]
- Гилярова 2013 — Гилярова К. А. Статья такая статья. Об одном типе редупликации в современном русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 268—280. [Gilyarova K. A. Paper such a paper. On a reduplication pattern in modern Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»*. No. 12 (19): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 268—280.]
- Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но...*: об одной русской конструкции с поворяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309—322. [Iomdin L. L. Chitat' ne chital, no...: On a Russian construction with repeated lexical elements. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»*. No. 12 (19): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 309—322.]
- Кобозева 2009 — Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika*. [Linguistic semantics]. Moscow: Knizhnyi Dom «LIBROKOM», 2009.]
- Крейдлин, Падучева 1974 — Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Серия 2. 1974. № 9. С. 31—37. [Kreidlin G. E., Paducheva E. V. Meaning and syntactic properties of the conjunction *a*. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. Series 2. 1974. No. 9. Pp. 31—37.]
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Николина 1984 — Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. С. 38—46. [Nikolina N. A. Structural-semantic features of sentences of the type «Life is life». *Predlozhenie kak mnogoaspektnaya edinitsa yazyka*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1984. Pp. 38—46.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic-pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Шахматов 2001 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow: Editorial URSS, 2001.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Шмелев 1960 — Шмелев Д. Н. «О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке» // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47—60. [Shmelev D. N. On «connected» syntactic constructions in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1960. No. 5. Pp. 47—60.]
- Autenrieth 1997 — Autenrieth T. Tautologien sind Tautologien. *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte* [= Linguistische Berichte. Sonderheft 8]. Rolf E. (Hrsg.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. Ss. 12—32.
- Bulhof, Gimbel 2001 — Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics and cognition*. 2001. Vol. 9 (2). Pp. 279—291.

- Bulhof, Gimbel 2004 — Bulhof J., Gimbel S. A tautology is a tautology (or is it?). *Journal of pragmatics*. 2004. Vol. 36 (3). Pp. 1003—1005.
- Escandell-Vidal 1990 — Escandell-Vidal M. V. *Nominal tautologies in Spanish*. Talk given at the International conference of pragmatics (Barcelona, Spain, July, 9, 1990).
- Fraser 1988 — Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. *Journal of pragmatics*. 1988. Vol. 12. Pp. 215—220.
- Gibbs, McCarrell 1990 — Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. *Journal of psycholinguistic research*. 1990. Vol. 19. Pp. 125—145.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3: Speech acts. Cole P., Morgan J. L. (eds). New York: Academic Press, 1975. Pp. 41—58.
- Kwon 2014 — Kwon I. Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory. *Language Sciences*. 2014. Vol. 45. Pp. 44—55.
- Levinson 1983 — Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Meibauer 2008 — Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and cognition*. 2008. Vol. 16. Pp. 439—470.
- Miki 1996 — Miki E. Evocation and tautologies. *Journal of pragmatics*. 1996. Vol. 25. Pp. 635—648.
- Okamoto 1993 — Okamoto S. Nominal repetitive constructions in Japanese: The tautology controversy revisited. *Journal of pragmatics*. 1993. Vol. 20. Pp. 433—466.
- Rhodes 2009 — Rhodes R. A *Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English*. Available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
- Ward, Hirschberg 1991 — Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. *Journal of pragmatics*. 1991. Vol. 15. Pp. 507—520.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. Boys will be boys: 'Radical semantics' vs. 'Radical pragmatics'. *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 95—114.
- Wierzbicka 1988 — Wierzbicka A. Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser. *Journal of pragmatics*. Vol. 12. Pp. 221—224.
- Wierzbicka 1991 — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Статья поступила в редакцию 11.09.2015.